

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев
«ОСТРОВА В ТАЙГЕ»:
ФОРМЫ (РЕ)ОСВОЕНИЯ
«ПУСТОГО ПРОСТРАНСТВА»
НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета. Для связи с автором: grigoritchev@ya.ru.

Аннотация. Одним из относительно новых феноменов, актуализировавшихся в последние десятилетия, является борьба за пространство, переместившаяся из области международных отношений и геополитики во внутривнутриполитическую сферу. Особенно ярко данная тенденция проявляется в России. При этом сама борьба за пространство протекает в различных формах, детерминированных спецификой конкретной территории. Если в мегаполисах это прежде всего митинги и иные коллективные политические действия, то в относительно малонаселенных северных и восточных регионах страны она чаще принимает форму дистанцирования от государства, ухода.

В принципе, подобный тип социального поведения уже не раз попадал в поле зрения исследователей. Однако, как правило, речь шла о маргинальных социальных группах, не стремящихся к самопрезентации. В настоящей статье рассматривается иная ситуация, когда дистанцирование оказывается не вынужденной мерой, а сознательным выбором, порождающим новый тип дискурса по поводу социального пространства, новый способ его осмысления.

В ходе инициативных полевых исследований в Иркутской области и Хабаровском крае Л.Бляхер и К.Григоричев обнаружили примеры ситуации, когда, вопреки распространенному мнению, удаленность и изолированность становятся не факторами сжатия освоенного пространства, а механизмом повторного освоения и присвоения «пустых» земель. Проведенный ими анализ генезиса и структуры особого типа поселений, возникших в последнее десятилетие в отдаленных районах востока России, их внутренней стратификации и особенностей коммуникации с «большим миром»,

свидетельствует о появлении нового способа заполнения социального пространства смыслами, возможного исключительно вне властного регулирования и масштабных экономических проектов. И хотя выявленных и исследованных авторами кейсов слишком мало для обобщающих выводов, они сигнализируют о скрытых процессах (ре)освоения и переопределения «пустых земель» в восточной части страны.

Ключевые слова: восток России, пространственное сжатие, социальное пространство, (ре)освоение, внутрирегиональная миграция

Одним из относительно новых феноменов, актуализировавшихся в последние десятилетия, стала борьба за пространство, перенесенная из области международных отношений и геополитики во внутривнутриполитическую сферу и так или иначе определяющая особенности существования политической системы на данной территории. Особенно ярко соответствующая тенденция проявляется в России. Это и протесты против реновации в Москве, по сути представляющие собой борьбу жителей за пространство своего города¹, и экологические выступления на севере страны, и «схватка за Байкал» в Иркутской области².

Пожалуй, наиболее полно этот феномен, хотя и не в политологических терминах, а на этнографическом материале, описал Джеймс Скотт, зафиксировавший противоречие между государством, нацеленным на построение гомогенного пространства, и территориальным сообществом, ориентирующимся не на некие общие характеристики, а на особое, местное знание («метис»)³. Но если заключения Скотта строились на анализе довольно экзотических сообществ и ситуаций, то сегодня выявленное им противоречие утратило былую экзотичность, переместившись в центр политического, да и социологического анализа российского общества.

При этом сама борьба за пространство протекает в различных формах, детерминированных спецификой конкретной территории. Если в мегаполисах (Москва, Екатеринбург) это прежде всего митинги и иные коллективные политические действия, то на относительно малонаселенных севере и востоке страны она чаще принимает форму дистанцирования от государства, ухода. В принципе, подобный тип социального поведения уже не раз попадал в поле зрения исследователей⁴. Однако, как правило, имелись в виду маргинальные социальные группы, не стремящиеся к самопрезентации и не генерирующие альтернативных государственной концептуализаций политического и социального пространства. Соответственно, ведущим в описании такого «периферийного дистанцирования» оказывался голос исследователя, во многом произвольно «вчитывавшего» в материал те смыслы, которые казались ему наиболее релевантными.

В настоящей статье мы рассмотрим несколько иную ситуацию, когда дистанцирование становится не вынужденной мерой, а сознательным выбором агента. Более того, подобный выбор порождает

¹ Захаров 2017.

² Гольдфарб 2010.

³ Скотт 2005.

⁴ См., напр. Плюснин 2016.

новый тип дискурса по поводу социального пространства, новый (для территории) способ его осмысления. Речь идет о достаточно благополучных и состоятельных жителях городов восточной части России, создавших собственную практику и соответствующий дискурс обживания и освоения «пустого» или «сжимающегося» пространства, осознанно дистанцированные от государства и его активности.

В последние годы территории Восточной Сибири и Дальнего Востока принято описывать как «пустое пространство», «брошенное» в результате «западного дрейфа» и депопуляции. Статистика фиксирует исчезновение множества сельских населенных пунктов. По данным переписи 2010 г., в Сибирском федеральном округе опустели 344 из 11363 сельских поселений, в Дальневосточном — 143 из 2729⁵. Согласно прогнозам, уже в краткосрочной перспективе без постоянных жителей рискует остаться значительная часть сел региона. Во властном и экспертном дискурсе наиболее подверженными риску исчезновения считаются удаленные и изолированные поселения. Наряду с отсутствием рабочих мест, удаленность и изолированность трактуются как важнейший фактор сжатия освоенного пространства.

В ходе инициативных полевых исследований в Иркутской области и Хабаровском крае, проведенных в 2018—2019 гг., мы обнаружили, однако, примеры обратной ситуации, когда удаленность и изолированность становятся механизмом нового освоения и присвоения «пустых» земель. Конечно, выявленные нами исследовательские кейсы не имеют ничего общего с масштабными проектами в духе «ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона». Напротив, они возможны только в рамках дискурса о «неуправляемом сжатии»⁶ освоенного пространства как доминирующей тенденции пространственного развития регионов страны.

Применительно к данным кейсам уместно говорить о появлении нового для региона способа заполнения социального пространства смыслами, возможного исключительно вне властного регулирования и масштабных экономических проектов. Однако прежде чем приступить к изложению и анализу полученного регионального материала, представляется необходимым обозначить то понимание социального пространства, из которого мы исходим в настоящей работе.

**«Пустое»
и «заполненное»
социальное
пространство
на востоке России**

Среди многочисленных трактовок социального пространства можно выделить три основных подхода к его пониманию. В рамках первого, идущего еще от Питирима Сорокина, социальное пространство выступает пространством мыслимых социальных статусов, некоей пространственной метафорой социальной стратификации⁷. Сходным образом трактует эту категорию и Пьер Бурдьё⁸. Его «социальные поля» чрезвычайно удобны для презентации социологических данных. Но они менее всего предназначены для ответа на вопрос, где расположен тот или иной агент, группа, артефакт.

⁵ Sorokin 1943: 23—28.

⁸ Bourdieu and Coleman 1991.

Иного взгляда на социальное пространство придерживается Георг Зиммель. В его интерпретации оно оказывается аналогом ньютоновского пространства как «вместилища тел»⁹, инертным и неподвижным. Но сам факт его существования (дальше/ближе, выше/ниже) накладывает определенные ограничения на социальную коммуникацию, задаваемую прежде всего активностью социальных агентов. Уже в самой этой трактовке, как показывает Александр Филиппов, содержится возможность третьего, более сложного и более «пространственного» понимания соответствующей категории¹⁰.

¹⁰ Филиппов 2009.

Рутинизация определенного типа действий, их повторяемость накладываются на содержащиеся в пространстве артефакты, физические объекты. Смысл действий, совершаемых в этом пространстве, сливается с самими наполняющими его артефактами, становится его имманентной характеристикой. Причем, что крайне важно для нашего анализа, эти смыслы пространства *считываются* наблюдателями или участниками, воспринимающими данность пространства и заключенных в нем артефактов. Отсутствие в некоем пространстве искомым (наделенных социальным смыслом этого пространства) артефактов и переводит его в разряд «пустого». Это не значит, что там ничего нет. Там нет тех смыслов-маркеров, которые позволяют нам узнать пространство и, соответственно, выстроить свое социальное поведение в нем и по отношению к нему. Нечто подобное и происходит сегодня на востоке России.

¹¹ Мотрич 2017.

Образ разрастающегося «пустого пространства» оказывается едва ли не ведущим элементом при описании восточных территорий России¹¹. Строго говоря, основания для такого восприятия есть. По сравнению с 1991 г., на который приходится пик заселенности Дальнего Востока, регион, никогда не отличавшийся особенно плотным населением, потерял свыше 1,83 млн человек¹², или 23% жителей. При этом основная часть убыли связана с уже упомянутым «западным дрейфом», то есть с перемещением людей в западном направлении. Несмотря на некоторое увеличение земель, задействованных в хозяйственном обороте¹³, число «брошенных» территорий остается значительным. Усиливается и внутрорегиональная миграция из малых городов и поселков в немногочисленные местные центры притяжения, прежде всего в региональные столицы¹⁴. Одним из следствий данных процессов становится деградация инфраструктуры¹⁵, которая тоже стягивается к крупным городам и городским агломерациям, что вполне вписывается в концепцию сжатия социально-экономического пространства страны и региона¹⁶.

¹² Демографические процессы 2015.

¹³ Романов и Степанько 2018.

¹⁴ Мкртчян 2008.

¹⁵ Найден 2013.

¹⁶ Harvey 1990; Романова, Виноградова и Фризина 2015.

При всей несомненности данных, на которые ссылаются приверженцы этой концепции, представляется, что речь идет о деградации совершенно конкретного типа социально-экономического пространства, связанного с определенной моделью освоения территории. В отличие от физического пространства — вместилища тел, социальное пространство наполнено смыслами, детерминирующими его структуру (в том числе и инфраструктуру), предполагающими некие формы социальной и хозяйственной активности и препятствующими иным¹⁷.

¹⁷ Филиппов 2000.

Хозяйственное и политическое освоение Дальнего Востока традиционно выступало инструментом преобразования физического, географического пространства (то есть «пустоты»¹⁸) в пространство социальное. Именно этот тип преобразования пространства, наделения его смыслами порождал систему маркеров, которые позволяли наблюдателю (и жителю) считать его как социальное. Применительно к концу

¹⁸ Пятак 2008.

¹⁹ Говорухин 2008.

²⁰ Ремнев и Суворова 2013: 112—134.

XIX в. такими маркерами были государственный флаг, поднятый над территорией¹⁹ (политическое присвоение), и плуг русского крестьянина, взрезавший землю. Именно последним, по-видимому, объясняются упорные попытки местных властей «завести пашню» в изначально не приспособленных для этого северных районах, равно как и огромные льготы для сельскохозяйственных переселенцев²⁰.

²¹ История 1991: 218—225.

В конце XIX — начале XX в. говорить о едином или хотя бы сходном в социально-экономическом плане регионе не приходилось. Достаточно отчетливо выделялась территория Приамурского генерал-губернаторства, ориентированного на сельское хозяйство (в приморских районах — рыболовство) и переработку его продукции, а также на добычу полезных ископаемых. Города там были не столько центрами производства и торговли, сколько «ставками» военной либо гражданской администрации или местом проживания промышленных людей²¹, золотодобытчиков и купцов.

²² Шахеров 2011: 96—109.

Гигантские северные территории, сегодня относящиеся к Дальнему Востоку, в структуру генерал-губернаторства не входили ни административно, ни хозяйственно. Они поставляли в основном пушнину и иные продукты таежных промыслов. Несколько иначе было организовано хозяйство Восточной Сибири, в основе которого лежали добыча полезных ископаемых и лесная отрасль. Менее благоприятные для сельскохозяйственной деятельности условия компенсировала активная торговля как с северными территориями, так и (через Нерчинск) с сопредельным Китаем²².

²³ Галлямова 2013.

В XX в. к маркерам власти и сельского хозяйства добавились другие считаваемые знаки освоенности — дороги (в первую очередь Транссиб), прииски, заводы. По мере вхождения региона в XX столетие акцент все сильнее смещался в сторону маркеров индустриальности²³.

²⁴ Колесниченко 2012.

В советские годы траектории развития Восточной Сибири и Дальнего Востока тоже несколько различались. В 1930-е годы был принят план развития Дальнего Востока, делавший упор на ВПК и армию²⁴. Вплоть до 1970-х годов ранее ключевые для региона отрасли экономики там если и сохранялись, то скорее как реликт. Лишь в рамках проекта Байкало-Амурской магистрали «мирным» производствам, прежде всего добывающим, стал отдаваться приоритет²⁵, но особых успехов на этом пути достичь не удалось. Хозяйство Восточной Сибири носило менее милитаристский, но более индустриальный характер. Однако и там, и там освоение мыслилось главным образом как строительство крупных предприятий, а также поселков и городов с соответствующей инфраструктурой²⁶.

²⁶ Винокурова и Суходолов 1999.

²⁷ Bezrukov 2013.

И в первом, и во втором случае установка на индустриальное развитие породила потребность в постоянной подпитке извне людьми, ресурсами, финансами. И пока эта подпитка сохранялась, продолжалось индустриальное освоение территорий — вопреки хозяйственной логике, вопреки тому, что немалая часть внешних вливаний шла на преодоление самого пространства Леналенда (бассейна реки Лены)²⁷.

Ключевым же моментом оставалось преобразование пустого пространства в социальное. Причем преобразование это осуществлялось без оглядки на его хозяйственную рациональность. И дело не только в том, что при строительстве приисков, заводов, леспромхозов игнорировались такие факторы, как наличие транспортной инфраструктуры, да и сама потребность в появлении в данном месте подобного хозяйственного объекта. Вокруг этого объекта обязательно возникали новые знаки освоенного пространства — поселки, городки и даже города с соответствующей образовательной, медицинской и культурно-досуговой составляющей, дорогами и аэродромами, содержание которых тоже ложилось на предприятие.

В результате на востоке России сформировались два противостоящих друг другу пространства — расширявшееся освоенное, социальное пространство городов и поселков, связанных частью дорогами, частью малой авиацией, и сокращавшееся «пустое пространство», которое в перспективе (когда все будет освоено) должно было просто исчезнуть. То обстоятельство, что в «пустоте» жили люди, выстраивались социальные и хозяйственные связи, практически исчезало из контекста, сохраняясь лишь в рамках специализированных этнографических описаний и «народного творчества». Там просто не обнаруживалось маркеров, которые бы считывались в качестве социальных.

²⁸ *Леонов, Корсунский и Барабаиш 2007.*

Вполне понятно, что последовавшее за распадом СССР и исчезновением идеологического и политического смысла инвестиций в северные и восточные территории прекращение внешней подпитки сразу же разделило хозяйственные структуры востока России на те, которые могли существовать без вливаний извне, и те, чья жизнеспособность полностью зависела от такого рода вливаний. Первые составили основу новой региональной экономики, ориентированной главным образом на экспорт. Однако, продолжая вполне успешно работать, они начали сбрасывать избыточную социальную нагрузку, избавляясь от находившихся на их балансе школ, больниц и других объектов социальной инфраструктуры, которые и считывались наблюдателями в качестве маркеров освоенности. Вторые же просто стремительно деградировали²⁸. Новых же форм наполнения пространства поддающимися считыванию социальными смыслами не возникало.

Убыточными становятся многочисленные оборонные предприятия, расположенные на востоке страны. А поскольку при большей части крупных предприятий создавались жилые районы (поселки, городки) с соответствующей инфраструктурой, проблемы таких предприятий прямо сказываются и на самой инфраструктуре. Регионы, ранее

²⁹ Мкртчян 2013.

нуждавшиеся в постоянном притоке населения, превращаются в трудноизбыточные. Начинается отток населения²⁹, концептуализированный в понятии «западный дрейф». Но главное, в регионе сокращается пространство, где наблюдатель, исследователь, управленец и просто житель могли считать знаки освоенности. Точнее, эти знаки и деградируют. Именно их деградация и порождает апокалиптические настроения³⁰ и у населения, и у исследователей, и у управленцев. Подобные настроения со своей стороны дают толчок непрекращающимся попыткам удержать/привлечь население, в том числе за счет строительства все новых заводов (что нашло отражение, в частности, в программе развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.).

³⁰ Галичанин 2018.

В принципе, новая экономика региона, связанная прежде всего с природопользованием (лес, рыба) и добычей полезных ископаемых, вполне обеспечивает его сокращающееся население. Но само региональное пространство начинает стягиваться к региональным столицам, транспортным коридорам и немногочисленным городам, становящимся центрами притяжения населения. Как следствие, появляются брошенные поселки, детские лагеря отдыха, фермы, военные городки, оставленные армией, но не принятые на баланс муниципалитетами. Наряду с пространством пустым (не социальным) и пространством освоенным (социальным) возникает третье — социальное «пустое пространство», некогда имевшее, но утратившее или утрачивающее знаковые маркеры освоенности. То есть юридически там что-то существует, есть собственник (хотя бывают и ситуации, когда такового не оказывается³¹). Но фактически это ничья земля.

³¹ Моляренко 2017.

Хозяйственная активность в «пустом пространстве»

Подобного рода «ничья земля» представляет собой довольно сложное образование. Часть территорий, которые, согласно официальной статистике, являются пустыми, выпавшими из хозяйственного оборота, в реальности оказываются вполне интенсивно используемыми³². Чаше всего на них возникают субурбии или «теневые» лесные деляны, но иногда речь идет и о сельскохозяйственных предприятиях³³. Здесь «пустота» выступает как способ защиты от государственного контроля.

³² Григоричев 2012.

³³ Бляхер 2017.

³⁴ Исследования проводились при поддержке РФФИ, ФЦП «Кадры», а также Фонда «Хамовники».

В интервью, собранных авторами на Дальнем Востоке в 2003—2018 гг.³⁴, этот мотив проявляется достаточно отчетливо. И хотя на разных этапах сбора первичного материала нас интересовали разные сюжеты, тема «пустого пространства» как пространства, скрытого от власти, всплывает в большей части интервью.

«Респондент: Мы на охоту обычно в „Еврейку“ (ЕАО — прим. интервьюера) ездим. Там мужики все классно организовали. Номера, загончики, флажки. Сафари настоящее. А потом банька, комнаты удобные, постелька. Все по-людски. И отдохнешь там, и поохотишься, и с мужиками, если нужно, тему перетрешь.»

Интервьюер: А они как-то оформлены? Ну, там, регистрация, лицензия...

Респондент: А зачем? Они охотники? Их охотоведы и охраняют за долю. Нормально там все. Официально — ничего нет, а реально — все путем» (мужчина, 54 года, предприниматель, интервью 2011 г.).

Примечательно, что упомянутая респондентом охотничья заимка построена на месте исчезнувшего поселения, то есть в пространстве, перешедшем из категории освоенного в категорию пустого. Такая «пустота» позволяет не только избавиться от внимания надзорных органов, но и использовать еще сохранившуюся инфраструктуру (дорога, вода, «теневого» отвод от ЛЭП и т.д.). И это не единичный случай. Так, в одном из интервью говорилось о целой ферме, устроенной на месте исчезнувшего поселка.

«Там братья-армяне отстроились. Были одни развалины. Пара домов без крыши, ну, там, остатки коровника. А сейчас целая усадьба. Чисто все, цивильно. Коровы отдельно, овцы отдельно. Для свиней свой загон. Чисто, как в роддоме. И въезжаешь? Там этого как бы ничего нет. Работники в Николаевске прописаны. А кто-то, наверное, нигде не прописан. Фиг их знает. Зачем им? Ну, у них, армян, кафешек куча на трассе и в Комсомольске. Да, наверное, и в Хабаровске. Вот туда свежанину и поставляют. Я тоже у них стал закупаться. Из Хабары пока довезешь в магазин, оно уже не то. А у них все свежее» (мужчина, 42 года, предприниматель, интервью 2007 г.).

Число примеров можно множить. Но для нашего рассмотрения важнее отметить ряд обстоятельств, характерных для этих и других случаев активной хозяйственной деятельности в «пустом» («пустеющем») пространстве. Во-первых, не только власти, но и сами респонденты воспринимают это пространство как пустое, брошенное. Наличие «теневого» деятельности не делает его освоенным. Причина проста: там не возникает маркеров, позволяющих считать смыслы «освоенности», в первую очередь маркеров власти, хотя не менее важны маркеры заселенности (больница, школа, дом культуры и т.д.). Во-вторых, сама эта деятельность рассматривается как временная, не связанная с вживанием в территорию.

«Не знаю, сколько мы продержимся. Понятно, что рано или поздно ребята из всяких служб до нас доберутся. Но иначе не выходит. Если все делать по закону, то даже землю оформить не выйдет. А налоги такие, что надо мясо и овощи продавать как золотые. Кто покупать будет? Вот и крутимся. Все временное» (мужчина, 43 года, предприниматель, интервью 2012 г.).

Подобная временность препятствует осознанию иного, нового типа хозяйственной активности, как и новых маркеров социального пространства. Предметы, строения, люди протекают через социальное пространство, но не сливаются с ним, не становятся его «текстом», который может быть прочитан. Осмысляется традиционный набор маркеров и задаваемый ими текст. Пространство остается «пустым», заполняемым только телами и артефактами, лишенными смысла, привязанного к местности.

В эпоху «опережающего развития Дальнего Востока и Байкальского региона» это чувство временности лишь усилилось. У федерального бюджета появились средства на новое «освоение» восточных территорий. Поскольку значительная часть хозяйственной деятельности там носила теневой характер (вплоть до теневых лесных делан³⁵ и теневого флота), практически не получая официальной фиксации, в глазах очередных «первопроходцев» регион был беден и пуст. Хозяйственная активность в «пустом» социальном пространстве однозначно интерпретировалась как криминальная³⁶, а значит — подлежащая уничтожению. В итоге местная экономика, вполне способная прокормить регион, была разрушена³⁷.

³⁵ Кабанец и др. 2013.

³⁶ Ляпустин и Фоменко 2015: 60, 71.

³⁷ Бляхер 2014.

На смену ей пришла экономика, основанная на бюджетных вливаниях и инвестициях аффилированных с государством предприятий. И надо признать, что на первом этапе (примерно до 2014—2015 гг.) замена была относительно адекватной.

«Пару лет теперь можно не париться. Есть госзаказ. Можно работать. Там прибыль (переходит на шепот) больше 200%. Представляешь? Конечно, чтоб такой заказ получить, пришлось долго с правильными людьми общаться. Я на водку теперь полгода смотреть не смогу. Но получил. Это — самое главное» (мужчина, 51 год, судовладелец, интервью 2010 г.).

«Ты говоришь: „свободный бизнес“. Это, как бы сказать, не совсем правда. Мы же тоже живем на бюджете. Кто наши покупатели? Дядя Ваня с улицы? Вот взял он и купил грейдер или укладчик... Нет, конечно. Наши покупатели — государственные организации. Автотор, „Дальспецстрой“, муниципалы. Ну, или, скажем, предприятия, которые от бюджета содержатся. Оборонка, там. Поэтому мы тоже как бы бюджетные. От бюджета» (мужчина, 51 год, владелец предприятия, интервью 2010 г.).

По сути, воссоздавалась (во всяком случае, на уровне официальных интерпретаций) советская модель пространства — пустота и расширяющееся (за счет ускоренного развития) пространство освоенное. Новые механизмы освоения практически не возникали. Единственной новацией можно считать «бумажное» (отчетное) освоение, когда значимым оказывалось наличие даже не какого-то завода, аэродрома, больницы, а некоего артефакта, который при желании мог трактоваться как маркер освоенного (социального, властного) пространства.

«Вот там будет сельхозкомплекс. Ну, то есть мы его потом выстроим обязательно. Но уже сегодня можно говорить об инвестициях, о серьезном интересе к нашей территории. Можно говорить о развитии. Тут, пойми, нужно смотреть в будущее. Видеть не сегодня, а завтра» (мужчина, 53 года, генеральный директор корпорации по развитию территории, интервью 2014 г.).

«Приходят ко мне такие молодые и перспективные (смеется). Говорят: „Сколько Вы могли бы инвестировать в экономику края?“ Я им говорю: „Я все вкладываю в предприятие. Новых инвестиционных

проектов делать не собираюсь“. А они мне: „Ну все-таки. Вы могли бы вложить два миллиона?“ „Ну, — говорю, — мог бы“. Они так и записали: „Потенциальные инвестиции — два миллиона“» (мужчина, 56 лет, предприниматель, интервью 2015 г.).

³⁸ Бляхер 2017.

Очень быстро, однако, выяснилось, что в новых условиях доступ к финансовым и ресурсным потокам открыт для существенно меньшего числа предпринимателей, чем прежде. Убавились и резоны вкладывать средства в регион. В предшествующий период пребывание на территории было обязательным, ибо только так можно было обрести информацию о «пустых пространствах» и путях их использования³⁸, договориться о «невидимости». Проживание в регионе неизбежно оборачивалось инвестированием в территорию — хотя бы для удовлетворения собственных потребностей (в жилье, медицинской помощи, обучении детей). Резкое снижение возможностей хозяйственного использования «пустого пространства», возрастание рисков подобной деятельности привели к свертыванию «несуществующих» предприятий. Конечно, далеко не всех. Тем не менее их число ощутимо сократилось. Да и финансовые потоки теперь генерировала отнюдь не региональная деятельность, а федеральный центр. Для подключения к ним требовалось не только быть ближе к их истокам, но и принимать и воспроизводить официальную точку зрения на региональное пространство. Согласно же этой точке зрения, регион, пройдя через «страшные 1990-е годы», вновь стал «пустым». Правда, это была уже не та полная пустота, которую некогда осваивали первопроходцы, а именно разрушенное социальное пространство. Освоенным же, как и в советские времена, признавалось то, где проявило себя государство: ТОРы, ТОСЭРы, порт Владивосток и некоторые подобные им территории. И дело заключалось не в рентабельности расположенных на них предприятий и учреждений. Просто они могли быть «прочитаны».

«Думаете, я не понимаю, что рост населения С. идет за счет временных работников, а местных здесь почти нет? Прекрасно понимаю. Но именно это дает возможность области соответствовать показателям, быть на хорошем счету, получать не только на заводы, но и на нужные вещи. Завод — явное проявление развития. А вот, скажем, сельское хозяйство — уже не такое явное. Оно здесь всегда было. Сразу возникает вопрос: а в чем тогда ваша заслуга, в чем развитие?» (мужчина, 39 лет, государственный служащий, интервью 2018 г.).

В этой ситуации довольно большое число людей, вытесняемых из бизнеса и политики, оказалось в специфическом положении. До нового «освоения» их не допустили. При этом они лучше, чем кто бы то ни было, знали, что «пустота» совсем не пустая. Именно эта «пустота» (точнее, «пустое пространство») приносила им доход. Однако совместить господствующий дискурс «освоения и развития» и безъязыкую, но осязаемую реальность, «живую жизнь» не получалось. Упоминания о таких людях встречаются и в полученных нами интервью.

«Есть люди с большими деньгами. Ну, как Е. Он еще побарахтается, конечно. А потом или в кэш выйдет, или бизнес переведет в Китай. Словом, свалит и будет балдеть в Таиланде или на Бали. Таких сегодня немного. Большая часть уже свалила или в Госдуму пошла. <...> Есть люди, у которых совсем денег мало. Их уже много, людей этих. Они мне тоже не интересны. Они только на еду тратят и на одежду самую малость, когда уже совсем подопрет. Это клиенты продавцов на базаре. Они даже „Народной компании“³⁹ не интересны. Зато большая часть — это люди, которые деньги немножко прижали. В бизнес сейчас вкладываться рискованно. Вот и сидят люди с деньгами» (мужчина, 57 лет, предприниматель, интервью 2015 г.).

³⁹ Сеть продовольственных магазинов в Хабаровске.

Этих людей, частью «вышедших в кэш», частью продолжающих деятельность, мы и обнаружили в северных районах Иркутской области, а также в отдаленных локалах Хабаровского края — в том самом «пустом пространстве». В ходе полевых исследований и сбора интервью в Иркутской области и Хабаровском крае нами были зафиксированы случаи повторного заселения пустующих деревень и формирования новых поселений за счет нерегистрируемых миграций. Чтобы подчеркнуть выделенность, отличие таких поселений от окружающего их мира, воспринимаемого и трактуемого в качестве «пустого пространства» (причем, как правило, не пустоты физической или географической, а некогда освоенного и брошенного/опустевшего локала), мы назвали их «островами в тайге». Важно отметить, что полевое исследование носило пилотный характер, и находящиеся в нашем распоряжении материалы представляют собой результаты наблюдений и бесед, довольно далеко отстоящих по формату от полуформализованных или неформализованных интервью. Соответственно, наших собеседников корректнее рассматривать не как респондентов в социологическом смысле слова, а как информантов при антропологическом исследовании.

**Жизнь и жители
«таежных островов»:
от освоенного
к присвоенному
пространству**

Обнаруженные поселения обычно расположены вне пределов сухопутной транспортной доступности, в десятках километров от ближайших дорог. В летнее время добраться до них можно только водным путем или на вертолете, а завоз техники, мебели, строительных материалов возможен лишь зимой, по речному льду. Но встречается и другой вариант изолированности — расположение на особо охраняемой природной территории, режим функционирования которой препятствует проникновению «чужих».

Поселения включают в себя большую усадьбу с капитальными строениями (жилой дом, баня, помещения для техники и инвентаря, дом для работников, иногда гостевой дом). Все постройки выполнены из дерева, и хозяева подчеркивают их экологичность и соразмерность природе. Вместе с тем это отнюдь не простое воспроизведение традиционной сельской/таежной архитектуры с присущим ей минимализмом, а то и аскетизмом в организации жилого пространства. Строя

рассчитаны на длительное круглогодичное проживание и оснащены различного рода новейшими приспособлениями — от солнечных панелей для выработки электричества и современных систем отопления и очистки воды до спутникового телефона и интернета. Жилой дом благоустроен, и даже обычный для сельской местности дощатый туалет отапливается. О капитальности строений говорят их размеры: в Иркутской области самым маленьким объектом усадьбы, за исключением строительного вагончика, оказалась баня размером 6 на 8 метров.

Усадьба, или заимка, занимает существенную часть площади поселения и фактически полностью определяет его жизнь. В одном из иркутских кейсов, помимо усадьбы, в поселении есть небольшая церковь с домом священника и жилой дом. Церковь построена на средства владельца усадьбы и имеет скорее символическое значение, поскольку большую часть года населения в деревне нет. Основным занятием обитателя единственного жилого дома является выращивание крупного рогатого скота для нужд владельца усадьбы. Между жителями поселений (усадеб), удаленных друг от друга на 8–15 км, установлены соседские отношения.

Население подобных усадеб делится на несколько групп. Первое, наиболее явное разделение — на «хозяев» и «работников». Как правило, при каждой усадьбе постоянно живет несколько работников. Чаще всего это граждане среднеазиатских стран — Таджикистана и Узбекистана. Именно на них лежит поддержание порядка, ремонт, приготовление пищи и т.п. Отношение к ним в основном «семейное», они воспринимаются как младшие члены семьи и неотъемлемая часть усадьбы.

«Я свое имя уже лет пять назад купил. Понятно, тогда все скромнее было. Но хозяин прежний тоже вложил. Главное, место очень хорошее. Заповедник вокруг. До нас ни автобусов, ни дорог. Тихо здесь, спокойно. Я сам на джипе добираться. Другая машина здесь не пройдет. Ну, может быть, грузовик армейский или трактор. Да, так вот. Мои Равшан-Джамшуд еще при прежнем хозяине жили. Говорит: нормальные хлопцы. Я их и оставил» (мужчина, 59 лет, предприниматель, интервью 2019 г.).

Стоит отметить, что среди работников практически нет россиян. Только в одной из бесед мы услышали о подобном, причем речь шла о том, что упомянутый человек «работает таджиком». Занятые в усадьбах и заимках соотечественники обычно выполняют функции управляющих и доверенных лиц владельца, представляющих его при взаимодействии с работниками и приезжими и организующих повседневную жизнь. Они могут взять на себя ремонт и наладку сложной техники, но не занимаются «черной» работой.

Именно работники составляют основную часть постоянных жителей поселений. Они же нередко ведут и хозяйственную деятельность.

«Мне мой узбек говорит: „Хозяин, давай барашков купим“. Я ему: „На хрена мне твои барашки? Я сюда душой отдыхать езжу“. А он, типа, мясо свежее, плов, шурпа. Я прикинул. Дал денег.

Теперь вот возле дома четыре шашлыка бегают. Не для денег. Просто друзей угостить, самому угоститься» (мужчина, 61 год, бывший предприниматель, интервью 2019 г.).

В иркутском кейсе промысел несколько иной, более связанный с дарами реки и тайги, что понятно, учитывая специфику самого места. На окраине усадьбы (фактически это уже тайга, но считающаяся продолжением подворья, «своей») разводятся дикие кабаны, которые потом выпускаются в лес. В нескольких километрах от усадьбы построено «зимовьё» (небольшой охотничий домик), добраться до которого можно только пешком либо на имеющихся в усадьбе колесных вездеходах. Ведутся работы (с привлечением специалистов-ихтиологов) по зарыблению небольшого притока реки. Реальная хозяйственная отдача от выпущенных в приток мальков невелика, однако их выпуск позволил установить в устье притока информационные таблички о запрете рыбалки и физически ограничить проход лодок. Фактический смысл подобной деятельности заключается не в заработке (деньги зарабатываются «в городе»), а в выделении и организации пространства *«для себя и для души»*.

Сами хозяева (владельцы) делятся на проживающих постоянно и приезжающих. Причем это деление осознают и сами информанты.

«Тут какие-то ребята появились. Все предлагают сигнализацию поставить. Зачем? Здесь чужих почти и не бывает. Да и мы все время здесь живем. Считай, совсем аборигены. Ну забредет кто-нибудь. И что? Максимум, яблоко с ветки сорвут. Невелика потеря. Вот тем, кто приезжает, тем, наверное, нужно. Хотя не знаю. Пусть они сами думают» (мужчина, 69 лет, бывший госслужащий, интервью 2019 г.).

Постоянно проживающие хозяева хотя и оторваны от города, по типу существования не особенно отличаются от обитателей субурбий. Как правило, они или работают дистанционно, или не работают (пенсионеры, бывшие предприниматели, «вышедшие в кэш», и т.д.). Спектр занятий приезжающих более широк. Однако ядро сообщества составляют успешные люди 1990-х — первого десятилетия 2000-х годов, волею судеб вытесненные из активной деловой или политической жизни, но остающиеся на плаву.

В случае временного проживания при обсуждении проблем безопасности акцент делается на отсутствии «чужих», а также на системе неформальных статусов (*«по реке все знают, что здесь чье»*) и правил (*«закон — тайга»*). Важным механизмом институционализации данной модели отношений является новое соседство, базирующееся на взаимосвязях с хозяевами аналогичных усадеб в других поселениях. В качестве соседей рассматриваются хозяева усадеб в 8–12 км вверх или вниз по реке, чьи владения становятся маркерами пространства и расстояний, а также репертуара практик соседских отношений. Наличие иных местных жителей при этом игнорируется, в дискурсе хозяев их просто не существует как субъекта. Соседа рассматриваемого типа невозможно

⁴⁰ Мосс 1996.

попросить, например, «подсобить» отремонтировать крышу, но к нему можно обратиться с просьбой «*решить вопрос*» в районной администрации, познакомиться с интересным приезжим и т.п. Очевидно, что подобную услугу нельзя оплатить, на нее можно лишь ответить в соответствии с принципами «экономики дара»⁴⁰. Реципрокность переводит отношения между соседями из вещественной сферы в символическую. Это, в свою очередь, выступает одним из фильтров вхождения в соседское сообщество: коренной местный житель просто не сможет оказать ответную услугу, позволяющую ему на равных включиться в соседство.

Как правило, именно «постоянные жители» задают основы коммуникации. Предметы коммуникации могут быть самыми разными. В случае Хабаровского края, в частности, упоминалось самогоноварение, точнее, изготовление крепких алкогольных напитков — не как бизнес, а «для себя». Участники коммуникации обмениваются рецептами, приглашают друг друга на дегустацию («*собрал всех кальвадосик попробовать*»), вместе отмечают праздники, дни рождения. В Иркутской области более распространены совместные охота и рыбалка, а также действия, связанные с обустройством пространства (зарыбление реки, завоз молоди животных и т.д.). Предметом коммуникации становится и приезд полезных или просто известных людей, к числу которых относятся и приглашенные для консультации специалисты (например, ученые-ихтиологи).

Главное же, что объединяет жителей усадеб, это отношение к пространству. Крупные поселения с развитой инфраструктурой и публичной властью, индустриальное производство, да и рыночно ориентированное сельское хозяйство перестают быть маркерами освоенности. Такие маркеры считаются как признаки чужого, «не своего», а значит, «ничейного» пространства. Они воспринимаются скорее как символы уходящего прошлого, которое все больше вытесняется из памяти и значимых обстоятельств реальной жизни. Примечательно, что в поисках исторических образцов наши собеседники апеллировали почти исключительно к досоветскому времени. Элементы советской эпохи описывались скорее в контексте утраченного «золотого века», возвращение которого, впрочем, не только невозможно, но и нежелательно.

Если в первые постсоветские десятилетия «пустое» социальное пространство, несмотря на всю протекавшую в нем активность, не осознавалось заполненным, не становилось другим, поскольку не возникало новых маркеров наполненности, то теперь ситуация меняется. Появляются новые маркеры. В качестве таковых информанты упоминали изгородь (забор) вокруг заимки и саму заимку/усадебу с соответствующими строениями. Все это считается как занятая, освоенная территория. Но освоена эта территория несколько иначе, чем это было в прежние времена на востоке России.

⁴¹ Ишаев, Ивантер и Кувалин 2015.

В советскую, да и в досоветскую эпоху освоение мыслилось как хозяйственный акт⁴¹. «Крестьянский плуг, взрезающий землю», дорога, завод, город при заводе — вариантов достаточно много. Но все они

про хозяйство. Освоенное пространство тоже носило специфический характер. Оно было не столько «своим», сколько общим (государственным, общественным и т.д.). Даже знаменитые сто десятин, выделявшиеся переселенцам в Приамурском генерал-губернаторстве, представляли собой не собственность, а владение, причем нередко не семьи, а более широкого сообщества⁴². Потому, вероятно, получившие их довольно легко меняли место жительства при усилении властного давления.

⁴² Осипов 2012.

В советский период подобный подход по понятным причинам только усилился. Города и поселки, колхозы и совхозы предполагали именно хозяйственный тип освоения, преобразования «пустоты» в социальное пространство. Немногочисленные «невидимки» (браконьеры, «черные» лесорубы и т.д.), сохранявшиеся на протяжении всего этого периода⁴³, собственного дискурса не создавали, как не создавали и собственного способа восприятия пространства (точнее, этот способ не экстраполировался за пределы группы), оказываясь для наблюдателя, по сути, частью «пустоты». В рассматриваемом нами случае важно даже не то, что в умерших или умирающих поселениях появляются новые строения и новые люди. Важнее, что возникает и транслируется вовне новый (другой, необычный для региона) способ восприятия пространства.

⁴³ Бляхер 2014.

В противовес ушедшим эпохам, новые маркеры освоенности пространства связываются не с хозяйственным его освоением, но с символическим, а часто и физическим присвоением. Только та территория, которая так или иначе закреплена за «хозяином», считается освоенной и жилой. Наличие местных жителей — осколков советской системы расселения и хозяйствования само по себе выступает признаком «ничейности», заброшенности пространства. Лишь фигура «хозяина» и знаки его присутствия в виде хозяйственных и жилых строений, хорошо заметных на фоне покинутых и обветшавших построек прошлого, солидных изгородей, информационных табличек (вроде упомянутых выше объявлений о зарыблении реки) маркируют территорию как заполненную.

Пространство усадеб и заимок в глазах их владельцев вообще лишено экономической составляющей. При всей разности символики подобных объектов их объединяет отсутствие очевидной коммерческой выгоды. Само огораживание территории заимок говорит о значимости этого пространства, его отличии от окружающего мира. Причем, что принципиально, соответствующий сигнал подается не внутрь сообщества, а внешнему наблюдателю. Заслуживает внимания и акцент на отсутствии у таких поселений утилитарного экономического смысла (барашки — для плова и шашлыка, «кальвадосик» — чтобы угостить друзей, рыбозаведение — для собственной рыбалки и т.д.). Это иной тип пространства.

*«Здесь все не для бизнеса. Бизнес — это в городе. Он как бы не совсем мой. То есть, мой, конечно (смеется). Но тут же и куча про-
веряющих всяких, куча правил. Они постоянно меняются. Еще и москвичи с японцами⁴⁴ жару задают. А здесь оно именно мое. Просто*

⁴⁴ Имеются в виду партнеры.

мое. Дети с женами сюда ездят. Для них это тоже особое место. Они могут на выходные или праздники себе много куда позволить. Работают. Крутятся. Только это тоже не то. А здесь я у себя. И они у себя. Просто мое» (мужчина, 59 лет, предприниматель, интервью 2019 г.).

Основания, легитимирующие апроприацию пространства, могут быть разными, но все они лежат в неформальной сфере. Сам факт масштабного строительства демонстрирует возможности занятия пространства «по праву сильного». Отдаленность и труднодоступность обеспечивают владельцам свободу рук в определении функции поселения и возможность символического и фактического присвоения прилегающих к нему территорий (участков реки, тайги). Способом дистанцирования от властных институций является и выстраивание с ними частных отношений. Символами признания властью совершившегося захвата служат для «своих» благодарственные письма от муниципальных администраций и церковных структур, развешанные на стенах гостиной, а для «чужих» — здание новой церкви, а ргіогі не имеющей прихожан.

Таким образом, можно говорить о формировании нового подпространства социального пространства региона со своим набором маркеров и правил их считывания, со своим дискурсом самопрезентации, направленным вовне. Наряду с освоенным и пустым пространством появляется пространство приватизированное, *присвоенное*. Причем это не юридическое присвоение, которое, как мы часто наблюдаем, не очень надежно и легко может быть аннулировано при возникновении тех или иных государственных нужд. Это распространение себя на территорию, которая ранее практически не знала подобной формы социального пространства.

Пока трудно сказать, насколько рассмотренная модель организации и восприятия пространства окажется долговечной. В выявленных нами случаях правовое оформление «своего» пространства было довольно спорным и проблематичным. Его защиту обеспечивали удаленность, бездорожье и, главное, отсутствие чьей-либо заинтересованности в хозяйственном освоении этих мест. Вполне вероятно, что на каком-то этапе под давлением государства или крупного бизнеса «свое» пространство снова станет «чужим», «общим». Но важно другое. Соответствующий тип концептуализации и преобразования пространства возник.

К сожалению, на сегодняшний день случаи подобной организации пространства крайне немногочисленны. Они — острова в бесконечном море пустоты и чужого, общего социального пространства. Обнаруженных и исследованных нами кейсов слишком мало для выстраивания обобщающих выводов. Тем не менее, на наш взгляд, они сигнализируют о скрытых процессах (ре)освоения и переопределения «пустых земель» на востоке России.

Библиография

- Андреева Т.С. (2014) *БАМ: путь из прошлого в будущее*. М.: РЖД.
- Астахов Д. (2017) «Пространственное развитие РФ — что ждет регионы» // *Финмаркет*, 20.01. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/4453799> (проверено 10.02.2020).
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.
- Бляхер Л.Е. (2017) *Стратегии выживания в условиях кризиса: Предприниматели Дальнего Востока и не только*. М.: Страна ОЗ.
- Винокуров М.А. и А.П.Суходолов. (1999) *Экономика Иркутской области: В 6 т. Т. 2*. Иркутск: Изд-во Иркутской государственной экономической академии; НПО «Облмашинформ».
- Галичанин Е.Н. (2018) «Закрепление населения на Дальнем Востоке — ключевая задача Национальной программы развития региона» // *Власть и управление на Востоке России*, № 4 (85): 151—156.
- Галлямова Л.И. (2013) «Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А.Столыпина» // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, № 1: 73—80.
- Говорухин Г.Э. (2008) *Власть политики. Власть пространства (Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке)*. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ.
- Гольдфарб С.И. (2010) *Мир Байкала*. Иркутск: ИГУ.
- Григоричев К.В. (2012) «От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX — начале XXI в.» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, № 2, ч. 2: 44—51. URL: <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article/file?id=1520> (проверено 10.02.2020).
- «Демографические процессы на Дальнем Востоке России в 1991—2014 годах» (2015) // *РИА Новости*, 19.01. URL: <http://www.ria.ru/spravka/20150119/1043265605.html> (проверено 10.02.2020).
- Захаров М. (2017) «Реновация и политизация» // *Центр политического анализа*, 03.08. URL: <https://centerforpoliticiansanalysis.ru/position/read/id/renovatsija-i-politizatsija> (проверено 10.02.2020).
- Зиммель Г. (1996) «Руина» // Зиммель Г. *Избранное: В 2-х т. Т. 2*. М.: Юрист: 229—234.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.)*. (1990) М.: Наука.
- Ишаев В.И., В.В.Ивантер и Д.Б.Кувалин. (2015) *Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: Государственный подход*. М.: Макс Пресс.
- Кабанец А.Г., Б.Д.Милаковский, Е.А.Лепешкин и Д.В.Сычиков. (2013) *Незаконные рубки на Дальнем Востоке: мировой спрос на древесину и уничтожение Уссурийской тайги*. М.: WWF России. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/5f5/illegal_logging_far_east.pdf (проверено 10.02.2020).

Колесниченко К.Ю. (2012) «Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)» // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 3 (22): 116—126.

Леонов С.Н., Б.Л.Корсунский и Е.С.Барабаш. (2007) *Региональная экономика и управление: Экономика Дальнего Востока*. Владивосток: Дальнаука.

Ляпустин С.Н. и П.В.Фоменко. (2015) *Незаконный оборот и борьба с браконьерством и контрабандой редких видов животных и растений на Дальнем Востоке России (2009—2014 гг.)*. Владивосток: Апельсин. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/491/lyapustin_illegal_turnover.pdf (проверено 10.02.2020).

Мкртчян Н.В. (2008) «Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации)» // *Региональные исследования*, № 2: 21—38.

Мкртчян Н.В. (2013) «Города востока России „под натиском“ демографического сжатия и западного дрейфа» // Дятлов В.И. и К.В.Григоричев, ред. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков*. Иркутск: Отгиск: 41—61.

Моляренко О.А. (2017) «Бесхозные автомобильные дороги в России» // *ЭКО*, № 4 (514): 88—109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beshozuaynye-avtomobilnye-dorogi-v-rossii/viewer> (проверено 10.02.2020).

Мосс М. (1996) «Очерк о даре» // Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература: 86—222.

Мотрич Е.Л. (2017) «Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд» // *Пространственная экономика*, № 3: 133—153. URL: http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/2017_3/SE.2017.3.133-153.Motrich.pdf (проверено 10.02.2020).

Найден С.Н. (2013) «Расходы населения на содержание жилья и коммунальные услуги: пространственная дифференциация на Дальнем Востоке» // *Уровень жизни населения регионов России*, № 1: 108—115.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1: Численность и размещение населения. (2010) URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (проверено 10.02.2020).

Осипов Ю.Н. (2012) *Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России: 1855—1917 годы*. Владивосток: Изд-во Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Плюснин Ю.М. (2016) «Вдали от государства: отходники и власть в современной России» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 60—80. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2016/03/31/1126487563/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BD%201-2016.pdf> (проверено 10.02.2020).

Пятак В.И. (2008) «Образ Дальнего Востока России в советском дискурсе: историческая специфика и мифология» // *Вестник*

Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Сер. 1: Гуманитарные науки, № 1: 35—38.

Ремнев А.В. и Н.Г.Суворова. (2013) *Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века*. Омск: Наука. URL: <http://histdep.omsu.ru/res/page000000000067/Files/Remnev,%20Suvorova.pdf> (проверено 10.02.2020).

Романов М.Т. и А.А.Степанько. (2018) «Динамика территориальных структур сельского хозяйства Дальнего Востока России» // *Дальневосточный аграрный вестник*, № 1 (45): 133—143. URL: <http://wp.dalgau.ru/wp-content/uploads/2018/06/Romanov.pdf> (проверено 10.02.2020).

Романова Е.А., О.Л.Виноградова и И.В.Фризина. (2015) «Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО)» // *Балтийский регион*, № 3: 38—61. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/031/Elena%20Romanova,%20Olga%20Vinogradova,%20Irina%20Frizina,%2038-61.pdf> (проверено 10.02.2020).

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Филиппов А.Ф. (2000) «Социология пространства» // *Логос*, № 2 (23): 113—151.

Филиппов А.Ф. (2009) «Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии» // Савельева И.М. и А.В.Полетаев, ред. *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. М.: Новое литературное обозрение: 50—63.

Шахеров В.П. (2011) *Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири)*. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета.

Bezrukov L.A. (2013) «Development of the World Economy in the System of the Continental-Oceanic Polarization» // Boscarino G. and D.Notte, eds. *Economic Developments and Emerging Markets of the 21st Century: Global Practices, Strategies, and Challenges*. New York: Nova Science Publishers: 189—209.

Bourdieu P. and J.M.Coleman. (1991) *Social Theory for a Changing Society*. New York: Russell Sage Foundation.

Harvey D. (1990) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge (MA), Oxford: Blackwell. URL: https://selforganizedseminar.files.wordpress.com/2011/07/harvey_condition_postmodern.pdf (accessed on 10.02.2020).

Sorokin P. (1943) *Sociocultural Causality, Space, Time*. Durham: Duke University Press.

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev
“ISLANDS IN TAIGA”:
FORMS OF (RE)DEVELOPMENT
OF “EMPTY SPACE”
IN THE EAST OF RUSSIA

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs at Irkutsk State University. Email: grigoritchev@ya.ru.

Abstract. The struggle for space is one of the relatively new phenomena that have become relevant in the recent decades — it has transferred from the field of international relations and geopolitics into the domestic political sphere. This tendency is especially noticeable in Russia. Moreover, the struggle for space itself takes in Russia various forms, determined by the specifics of a particular territory. While in metropolitan cities the primary forms are rallies and other collective political actions, in the relatively sparsely populated northern and eastern regions of the country it often takes the form of distancing, or going away, from the state.

In fact, this type of social behavior has already been studied by researchers. However, such research was usually devoted to the question of marginal social groups that did not seek self-presentation. This article considers a different situation when distancing is a conscious choice rather than a forced measure, and such choice generates a new type of discourse about social space and a new way of its understanding.

During the initiative field research in the Irkutsk Oblast and Khabarovsk Krai, L.Bliakher and K.Grigorichev found examples of a situation when, contrary to the conventional wisdom, remoteness and isolation are becoming a mechanism for the redevelopment and appropriation of “empty” lands, rather than factors of contraction of the developed space. Their analysis of the genesis and structure of a special type of settlements that arose in the remote regions of the east of Russia over the past decade, their internal stratification and features of communication with the “big world”, indicates the emergence of a new way to fill social space with meanings, which is only possible outside of political authorities’ regulations and large-scale economic projects. Although the cases identified and investigated by the authors are too few to draw generalizable conclusions, they indicate the hidden processes of redevelopment and redefinition of “empty lands” in the eastern part of the country.

Keywords: east of Russia, space contraction, social space, redevelopment, intraregional migration

References

- Andreeva T.S. (2014) *Bam: put' iz proshlogo v budushchee* [Baikal Amur Mainline: the Path from the Past to the Future]. Moscow: RZhD. (In Russ.)
- Astakhov D. (2017) "Prostranstvennoe razvitiye RF — chto zhdet regiony" [Spatial Development of the Russian Federation — What Will Happen to the Regions] // *Finmarket*, 20.01. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/4453799> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)
- Bezrukov L.A. (2013) "Development of the World Economy in the System of the Continental-Oceanic Polarization" // Boscarino G. and D.Notte, eds. *Economic Developments and Emerging Markets of the 21st Century: Global Practices, Strategies, and Challenges*. New York: Nova Science Publishers: 189—209.
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravlyaemoy zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2017) *Strategii vyzhivaniya v usloviyakh krizisa: O dal'nevostochnykh predprinimatel'nykh i ne tol'ko* [Survival Strategies in Crisis Situation: On Far East Entrepreneurs and Not Just on Entrepreneurs]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)
- Bourdieu P. and J.M.Coleman. (1991) *Social Theory for a Changing Society*. New York: Russell Sage Foundation.
- "Demograficheskie protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii v 1991—2014 godakh" [Demographic Processes in the Russian Far East in 1991—2014]. (2015) // *RIA Novosti*, 19.01. URL: <http://www.ria.ru/spravka/20150119/1043265605.html> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)
- Filippov A.F. (2000) "Sotsiologiya prostranstva" [Sociology of Space] // *Logos*, no. 2 (23): 113—151. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2009) "Ponjatie i problema sotsiologicheskoy klassiki. Georg Zimmel' kak klassik sotsiologii" [The Concept and the Problem of the Sociological Classic. Georg Simmel as a Classic of Sociology] // Savelieva I.M. and A.V.Poletayev, eds. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classic and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 50—63. (In Russ.)
- Galichanin E.N. (2018) "Zakreplenie naseleniya na Dal'nem Vostoke — kljuchevaya zadacha Natsional'noj programmy razvitiya regiona" [Fixing of the Population in the Far East — the Key Task of the National Program of Development of the Region] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (85): 151—156. (In Russ.)
- Galliamova L.I. (2013) "Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii v kontekste reform P.A.Stolypina" [Unique Aspects of Socio-economic Development of the Russian Far East in the Context of Reforms by P.A.Stolypin] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 1: 73—80. (In Russ.)

Goldfarb S.I. (2010) *Mir Bajkala* [The World of Baikal]. Irkutsk: IGU. (In Russ.)

Govorukhin G.E. (2008) *Vlast' politiki. Vlast' prostranstva (Printsipy formirovaniya regional'nogo upravleniya na Dal'nem Vostoke)* [Power of Politics. Power of Space (Principles of Formation of Regional Management in the Far East)]. Komsomolsk-on-Amur: KnAGTU. (In Russ.)

Grigoriev K.V. (2012) "Ot slobody do suburbii: prigorody Irkutsk v poslednej treti XX — nachale XXI v." [From Settlement to Suburb: Outskirts of Irkutsk in the Last Third of the 20th — the Early 21st Centuries] // *Izvestija Irkutskogo gosudatstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"], no. 2, part 2: 44—51. URL: <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article/file?id=1520> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Harvey D. (1990) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge (MA), Oxford: Blackwell. URL: https://selforganizedseminar.files.wordpress.com/2011/07/harvey_condition_postmodern.pdf (accessed on 10.02.2020).

Ishaev V.I., V.V.Ivanter, and D.B.Kuvaldin. (2015) *Ekonomika Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona: Gosudarstvennyj podkhod* [Economy of the Far East and Baikal Region: State Approach]. Moscow: Maks Press. (In Russ.)

Istoriia Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. — fevral' 1917 g.) [History of the Far East of the USSR in the Period of Feudalism and Capitalism (17th Century — February 1917)]. (1990) Moscow: Nauka. (In Russ.)

Kabanets A.G., B.D.Milakovsky, E.A.Lepeshkin, and D.V.Sychikov. (2013) *Nezakonnnye rubki na Dal'nem Vostoke: mirovoj spros na drevesinu i unichtozhenie Ussurijskoj tajgi* [Illegal Logging in the Russian Far East: Global Demand and Taiga Destruction]. Moscow: WWF Rossii. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/5f5/illegal_logging_far_east.pdf (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Kolesnichenko K.Yu. (2012) "Voennyj faktor v razvitii Dal'nego Vostoka Rossii (na primere Primorskogo kraj)" [Military Factor in the Development of the Russian Far East (on the Example of Primorye Territory)] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ecumene. Regional Studies], no. 3 (22): 116—126. (In Russ.)

Leonov S.N., B.L.Korsunsky, and E.S.Barabash. (2007) *Regional'naja ekonomika i upravlenie: Ekonomika Dal'nego Vostoka* [Regional Economy and Management: Economy of the Far East]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russ.)

Lyapustin S.N. and P.V.Fomenko. (2015) *Nezakonnnyj oborot i bor'ba s brakon'erstvom i kontrobandoj redkikh vidov zhivotnykh i rastenij na Dal'nem Vostoke Rossii (2009—2014 gody)* [Illicit Traffic and Fight against Poaching and Smuggling of Rare Species of Animals and Plants in the Russian Far East (2009—2014)]. Vladivostok: Apel'sin. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/491/lyapustin_illegal_turnover.pdf (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Mauss M. (1996) "Ocherk o dare" [*Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*] // Mauss M. *Obshchestva*.

Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noj antropologii [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Moscow: Vostochnaja literatura: 86—222. (In Russ.)

Mkrtchan N.V. (2008) “Krupnyj sibirskij gorod pered litsom depopuljatsii (na primere Irkutskoj aglomeratsii)” [Large Siberian Center in the Face of Depopulation (on the Example of Irkutsk Agglomeration)] // *Regional'nye issledovanija* [Regional Studies], no. 2: 21—38. (In Russ.)

Mkrtchan N.V. (2013) “Goroda vostoka Rossii „pod natisom“ demograficheskogo szhatija i zapadnogo drejfa” [Cities in Eastern Russia under the Pressure of Demographic Contraction and Western Drift] // Dyatlov V.I. and K.V.Grigorichev, eds. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. The Turn of the 19th and 20th and of the 20th and 21st Centuries]. Irkutsk: Ottisk: 41—61. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2017) “Beskhodzajnye avtomobil'nye dorogi v Rossii” [Ownerless Highways in Russia] // *ECO*, no. 4 (514): 88—109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beshozyaynye-avtomobilnye-dorogi-v-rossii/viewer> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Motrich E.L. (2017) “Dal'nevostochnyj region v demograficheskom prostranstve Rossii: poreformennyj trend” [Far East in Russian Demography: Trends during Reform] // *Prostranstvennaja ekonomika* [Spatial Economics], no. 3: 133—153. URL: http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/2017_3/SE.2017.3.133-153.Motrich.pdf (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Nayden S.N. (2013) “Raskhody naselenija na sodержanie zhil'ja i komunal'nye uslugi: prostranstvennaja differentsiatsija na Dal'nem Vostoke” [People's Spending on Housing and Public Utilities: Spatial Differentiation in the Far East] // *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii* [Standard of Living in Russian Regions], no. 1: 108—115. (In Russ.)

Ob itogakh Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. T. 1: Chislennost' i razmeshchenie naselenija [About the Results of the All-Russian Population Census of 2010. Vol. 1: The Number and Location of the Population]. (2010) URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Osipov Y.N. (2012) *Krest'jane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii: 1855—1917 gody* [Old-Timers of the Russian Peasant Far East: 1855—1917]. Vladivostok: Izd-vo Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. (In Russ.)

Plusnin Yu.M. (2016) “Vdali ot gosudarstva: otkhodniki i vlast' v sovremennoj Rossii” [Away from the State: Otkhodniki and Power in Modern Russia] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 60—80. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2016/03/31/1126487563/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BD%201-2016.pdf> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Pyatak V.I. (2008) “Obraz Dal'nego Vostoka Rossii v sovetskom diskurse: istoricheskaja spetsifika i mifologija” [Image of the Far East of Russia

in the Soviet Discourse: Historical Specifics and Mythology] // *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj sotsial'no-gumanitarnoj akademii. Ser. 1: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy. Series 1: Humanities], no. 1: 35–38. (In Russ.)

Remnev A.V. and N.G.Suvorova. (2013) *Kolonizatsija Aziatskoj Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtotoj poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Omsk: Nauka. URL: <http://histdep.omsu.ru/res/page00000000067/Files/Remnev,%20Suvorova.pdf> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Romanov M.T. and A.A.Stepanko. (2018) “Dinamika territorial'nykh struktur sel'skogo khozjajstva Dal'nego Vostoka Rossii” [Dynamics of Territorial Structure of Agriculture of the Far East of Russia] // *Dal'nevostochnyj agrarnyj vestnik* [Far Eastern Agrarian Herald], no. № 1 (45): 133–143. URL: <http://wp.dalgau.ru/wp-content/uploads/2018/06/Romanov.pdf> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Romanova E.A., O.L.Vinogradova, and I.V.Frizina. (2015) “Effekt szhatija sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva v uslovijakh prigranich'ja (na primere SZFO)” [Social and Economic Space Compression in Border Areas: the Case of the Northwestern Federal District] // *Baltijskij region* [Baltic Region], 3: 38–61. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/031/Elena%20Romanova,%20Olga%20Vinogradova,%20Irina%20Frizina,%2038-61.pdf> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)

Scott J.C. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2011) *Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Bajkal'skoj Sibiri)* [Economy of the Siberian Pre-reform City (on the Materials of the Cities of Baikal Siberia)]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)

Simmel G. (1996) “Ruina” [Die Ruine] // Simmel G. *Izbrannoe: V 2-kh t.* [Selected Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Jurist: 229–234. (In Russ.)

Sorokin P. (1943) *Sociocultural Causality, Space, Time*. Durham: Duke University Press.

Vinokurov M.A. and A.P.Sukhodolov. (1999) *Ekonomika Irkutskoj oblasti: V 6 t.* [Economy of the Irkutsk Region: In 6 Volumes]. Vol. 2. Irkutsk: Izd-vo Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii; NPO “Oblmash-inform”. (In Russ.)

Zakharov M. (2017) “Renovatsija i politizatsija” [Renovation and Politicization] // *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], 03.08. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/renovatsija-i-politizatsija> (accessed on 10.02.2020). (In Russ.)